

Александр Афанасьев

ВРЕМЯ
ИСПЫТАНИЙ

Вашингтонский УЗЕЛ

В этом остросюжетном романе читатель вслед за его героем проследует в самые опасные места современного мира, где жизнь человека ничего не стоит, где не понравившегося чужака могут просто убить без зазрения совести, где и сам герой будет предавать и убивать, чтобы выжить... До конца невозможно понять на чьей он стороне, будучи, словами Гёте, частью «той силы, что вечно хочет зла и совершает благо». Однако с «благом»-то и не всё в порядке и у героя и у самой «силы».

Перед читателем раскроются самые сокровенные кнопки современных политтехнологий, нажатием которых, вызываются цветные революции и гражданские войны, на тихих улицах гремят взрывы и совершаются заказные убийства...

Александр Афанасьев

**Вашингтонский узел.
Время испытаний**

«Остеон-Групп»

2018

Афанасьев А. Н.

Вашингтонский узел. Время испытаний / А. Н. Афанасьев —
«Остеон-Групп» , 2018

В этом остросюжетном романе читатель проследует вслед за его героем в самые опасные места современного мира, где жизнь человека ничего не стоит, где не понравившегося или не внушающего доверия человека могут просто убить без зазрения совести, где и сам герой будет предавать и убивать, чтобы выжить... До конца невозможно понять на чьей он стороне, будучи, словами Гёте, частью «той силы, что вечно хочет зла и совершает благо». Однако с «благом»-то и не всё в порядке и у героя и у самой «силы». Перед читателем раскроются самые сокровенные кнопки современных политтехнологий, нажатием которых, вызываются цветные революции и гражданские войны, на тихих улицах гремят взрывы и совершаются заказные убийства.

© Афанасьев А. Н., 2018

© «Остеон-Групп» , 2018

Содержание

Начало. 30 октября 2021 года. Вашингтон, округ Колумбия	5
Прошлое. 28 ноября 2004 года	9
Прошлое. 30 ноября 2004 года	13
Продолжение. 30 октября 2021 года	14
Прошлое. Август 2006 года	16
Прошлое. Сентябрь 2006 года	20
Прошлое. Ноябрь 2006 года	27
Продолжение. 30 октября 2021 года.	35
Прошлое. Июнь 2009 года	38
Прошлое. Июнь 2009 года	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Афанасьев

Вашингтонский узел. Время испытаний

Отцы поели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина...
Иез. 18, 2.

Именно в наше время демократия из формы государственного устройства возвысилась как бы в универсальный принцип человеческого существования, почти в культ
А.И. Солженицын

Начало. 30 октября 2021 года.

Вашингтон, округ Колумбия

«Гувер-билдинг», главное здание ФБР

В страну прошлого билеты не продаются
А.И. Солженицын «В круге первом»

- Кофе хотите?
- Нет, спасибо...

Кофе – один из приёмов. Когда человек что-то пьёт, ест или курит сигарету – он расслабляется, и его мозг получает дозу эндорфина – гормона счастья. Такого человека проще вывести на доверительную беседу и, в конце концов, расколоть.

Но я-то прошёл школу разведки ВМФ в Аннаполисе, и даже проходил подготовку по программе ЦРУ на их чёртовой Ферме. Так что кое-что в допросах я понимаю.

- Может, воды?
- Вот, идиоты...
- И воды не надо.

Этих уродов, что намерены со мной «побеседовать» – двое. Один здоровый, с лишним весом – скорее всего, забойщик. Второй, который немного интеллигентнее по виду – писатель, он оформляет дела и пишет рапорты для начальства. Такое вот разделение труда, как в ГУЛАГе.

Откуда я знаю про ГУЛАГ? Читал Солженицына, откуда же ещё мне это знать. В языковой школе в Монтерее нам задавали читать русскую литературу, и я полюбил читать русских диссидентов – Солженицына, Даниэля, Шаламова. К сожалению, в современной Америке я вижу всё больше знакомого по этим книгам – признаков существования в стране тоталитарного государства.

Откуда оно взялось? Ответ на этот вопрос у меня так же есть. Есть теория немецкого философа Ханна Арендт, германо-американского исследователя тоталитаризма. Теория обратного удара. Она заключается в том, что колониальные или квазиколониальные режимы, осваивая силовые методы управления в колониях – почти неизбежно рано или поздно начинают применять эти же методы управления в метрополии к своим собственным гражданам. В начале века Адольф Гитлер изучал британские методы управления. Германия не была колониальной страной, но отчаянно мечтала ею стать – и именно из чужих колониальных практик Гитлер почерпнул и творчески развил наиболее отвратительные методики нацизма, такие как расовые и этнические чистки, пропаганда, двойная правда, разделение людей на первый и второй сорт. Думаю, гитлеризм не был бы столь страшен, если бы Германия была колониальной

страной и знала не только парадную сторону – но и изнанку колониализма. И простые немцы, и их вожди были бы куда осторожнее. Но Германия не была колониальной страной и знала только парадную сторону колониализма – в виде глобуса, четверть территории которого были помечены алым цветом. И оттого – Германия в 30-е годы была преступно романтична.

А теперь этот путь повторяли Соединённые Штаты. Если вторжение в Афганистан ещё можно как-то оправдать интересами национальной безопасности, поимкой Осамы бен Ладена – то вторжение в Ирак нельзя оправдать и нельзя никак объяснить ничем, кроме той же преступной романтичности. Джордж Буш прочитал книгу советского диссидента Натана Щаранского и решил, что он и в самом деле сможет изменить мир, сделать его лучше – если свергнет Саддама. Ничем иным, кроме искренней веры в будущее всего мира и в роль Америки как проводника свободы и освободителя от тирании – это вторжение нельзя было объяснить. Но разве плохо освобождать от тирании угнетённые народы? Да, если в сухом остатке – пять тысяч убитых только военнослужащих, не считая контрактников и гражданских, пятьдесят тысяч раненых и искалеченных, более триллиона долларов расходов – и в конце ноль. Даже хуже ноля, потому что в пассиве у нас – испорченные отношения с Европой (охлаждение началось именно тогда), Холодная война с Россией, двадцать три триллиона долларов государственного долга без малейших шансов отдать – и продолжающиеся расходы на Ирак. Мы ведь до сих пор там присутствуем. Малыми силами, конечно – в основном советники, спецназ, авиация. Но мы уже почти двадцать лет не можем стабилизировать там режим, и по-прежнему платим дань, деньгами, людьми, бомбами...

И, кроме того – ведя эту долгую и страшную войну – мы и сами сильно изменились. До всего этого невозможно было себе представить тотальную слежку ФБР за гражданами, обыски перед посадкой в самолёт, беспредел полиции, разрешение федеральным органам использовать беспилотники в рамках программы наблюдений – причём не в рамках какого-то конкретного уголовного расследования и не против какого-то конкретного человека – а вообще. И даже без уведомления атторнея штата. Те дроны, которые мы использовали против Аль-Каиды – теперь висят над нашими головами, и я не уверен, что на них нет ракет.

Возможно, уже есть. Тем более, с 2011 года с ликвидации Аль-Авлаки в Йемене¹ – стало возможным использовать смертельную силу против граждан США без попытки его задержать и в рамках внесудебных процедур. В общем, никто и ничто не мешает начать наносить ракетные удары уже на территории США, тем более что сверхмалые бомбы и ракеты, предназначенные для уничтожения только одного человека с минимальным побочным ущербом – уже есть.

А если что-то технически может быть применено – рано или поздно оно будет применено. Это уже не Арндт. Это мой собственный жизненный опыт...

– Мистер Миллер?

– Да, да. Извините, я немного задумался.

– Ничего страшного.

...

– Мы должны провести стандартную проверку, мистер Миллер. Вы понимаете, о чем идёт речь?

– Я уже проходил стандартную проверку при поступлении на госслужбу.

– Верно, мистер Миллер, но это было давно. Кроме того, вы несколько лет не работали на дядю Сэма.

– Уверяю, в Стэнфорде проверяют ещё серьёзнее. Там заботятся о репутации университета. Репутация – нынче это всё, не так ли?

---

¹ Лидер Аль-Каиды на Аравийском полуострове, в отличие от других лидеров Аль-Каиды, гражданин США. Создатель журнала Аль-Каиды «Призыв». Ликвидирован ударом дрона, что вызвало в Вашингтоне юридические споры и протесты правозащитников.

Вежливая улыбка. Говорит все время писатель. Забойщик молчит.

– Мы понимаем, мистер Миллер, но тем не менее. В Стэнфорде вряд ли будут интересоваться вашей личной жизнью. А вот нам нужно узнать кое-какие детали. Например, детали ваших отношений с мисс...

Писатель заглядывает в папку.

– Мисс Никитиной. Я правильно произношу её фамилию?

– А это-то тут при чем?

– Вы были сотрудником ЦРУ на тот момент, верно?

– Ошибаетесь. Я был в то время сотрудником некоммерческой организации, мы занимались демократизацией постсоветского пространства.

– Но вы закончили курсы на Ферме², не так ли?

– Господи... краткосрочные курсы безопасности. После чего меня не приняли в контору даже на короткий контракт, не говоря уж о полном рабочем дне! Нас просто собрали, всех кто был под рукой – и кинули на Украину!

– А когда вас взяли в ЦРУ на полный рабочий день?

– В пятом. Уже после возвращения из Киева. А оперативником я стал в шестом. Тогда все кто успел накосячить в Ираке, уже умыли руки и в Багдадскую станцию брали всех, кого только могли найти и кто готов был работать.

– На тот момент у вас были отношения с мисс Никитиной?

– Уже нет.

– Почему же?

– Потому что специфика нашей работы не способствует искренней и чистой любви.

Писатель и забойщик молчат. Смотрят на меня.

– Господи Боже. Это был всего лишь секс. Я был молодым и не сдерживал себя. Я что, не имел права трахнуть русскую?

– Ну, с учётом специфики вашей работы могли бы и воздержаться. Тем более, ваше происхождение само по себе...

Я вдруг понимаю, что они серьёзно.

– А что не так с моим происхождением? Да, черт возьми, я еврей. Это теперь и здесь – преступление?

Писатель явно пугается – я вижу проблеск страха в его глазах... опыт и подготовка научили меня чувствовать страх в людях. Это может для него плохо кончиться – если я сообщу о дискриминации по национальному признаку, тем более еврея. Антисемитизм – это клеймо. Это может кончиться увольнением с государственной службы без характеристики.

– Мистер Миллер, никто не говорит, что проблема в том, что вы еврей. Просто ваши родители – приехали из СССР...

– Моего отца преследовал КГБ. С детства его преследовали сверстники, обзывая жидом. Я родился в Нью-Йорке на американской земле и являюсь гражданином США с рождения. Я ничего и никогда не хотел, кроме равного отношения и равных возможностей. Как и мой отец, который прибыл сюда, чтобы спастись от ГУЛАГа.

– Да, конечно, мистер Миллер. Никто не хочет сказать, что вы как гражданин США в чем-то хуже других. Но мы должны проверить. Тем более, вы лучше других знаете, чем всё кончилось на Украине. В работе станции ЦРУ в период вашего пребывания там были странные и болезненные провалы. Мы обязаны задать эти вопросы.

– Извините, вы были в Украине?

– Нет. Но...

---

² Спецшкола ЦРУ.

– Если бы вы были, то сейчас не задавали бы подобные вопросы. СБУ – их служба безопасности – была инфильтрована российскими внедренцами снизу доверху. Большая часть оперативных сотрудников тогда – закончила советские разведшколы, где учились бок о бок с теми, кто потом начал работать в ФСБ и ГРУ. Многие украинцы не считали себя украинцами, у них была русская или советская идентичность, и они искали возможность, как навредить. При таких обстоятельствах просто удивительно, что хоть кто-то нормально работал! И не забывайте, именно я в конечном итоге – пробил решение принимать каждый год на обучение на Ферме и в Академии ФБР по пятьдесят украинских курсантов. Курс в академии ФБР так теперь и зовётся, курс Миллера.

– Мы это знаем, мистер Миллер. Но мы должны написать отчёт, а для отчёта – должны взять у вас интервью. Мы были бы очень благодарны, если бы вы рассказали нам своё видение того, что происходило в Киеве в период вашего пребывания там.

– Моё видение...

Прошлое. 28 ноября 2004 года

Киев, Украина. Майдан

– Кофе будете?

Помощник начальника станции Бредли Стивен Бишоп посмотрел на стаканчик с кофе, который я взял для него.

– По крайней мере, не растворимый?

– Не думаю, сэр.

– Ладно, давай...

Бишоп взял стаканчик и тут же отхлебнул из него – в то время как я пытался согреть о своей ладони. Просто понять не могу, как люди могут пить почти кипятком.

Было и в самом деле, холодно...

Согревая руки, я принялся притопивать в такт доносившейся с Майдана незалежности мелодии «Разом нас багато». Интересно было бы снять это на фото – два сотрудника ЦРУ, точнее один сотрудник и один стажёр, стоят на промозглом киевском ветру и греются кофе из соседнего кафе, ожидая информатора.

А менее чем в полумиле от нас – вроде как творится история.

Выборы, которые в постсоветских странах чаще всего являются просто легализацией либо действующего «отца нации», либо указанного им преемника – в Украине в 2004 году вышли из-под контроля. Предыдущий украинский президент, с фамилией Кучма – стал нерукопозатым на Западе после странного исчезновения оппозиционного журналиста и бегства на Запад офицера его личной охраны, который обнародовал плёнки, доказывающие причастность Кучмы и к исчезновению журналиста, и к незаконным сделкам с иракским режимом, включающим, помимо прочего, продажу Саддаму установок пассивной радиолокации «Кольчуга» – последнему достижению советской оборонной мысли. Локаторы, которые нельзя выявить и подавить противорадиолокационными ракетами, какие есть на вооружении США. Это было весьма и весьма некстати, так как мы в то время готовили вторжение в Ирак...

Поскольку Кучма уже отработал два срока на президентском посту – баллотироваться ещё раз он не мог. Схватка разгорелась между двумя кандидатами. Прозападным Виктором Ющенко и пророссийским Виктором Януковичем – оба были премьер-министрами у Кучмы. Но Ющенко перешёл в оппозицию после исчезновения того журналиста, Янукович же оставался кандидатом от партии власти. Он был выходцем из Донецка – крайне криминализованного шахтёрского региона на границе с Россией. Для многих киевлян такой президент представлялся неприемлемым. Но Янукович – набирал большой процент голосов в восточных регионах страны, которые были плотно населены и голосовали иначе, чем центр и запад страны.

Первый тур выявил минимальное, буквально на процент превосходство Ющенко – кандидаты шли ноздря в ноздю, и это само по себе обещало проблемы в будущем – потому что в такой стране как Украина власть всегда тесно связана с собственностью и передел власти почти всегда означает незаконный передел собственности. Во втором туре, когда остались только два кандидата – победил Янукович. После чего – в центре Киева вспыхнули гражданские протесты – столица хотела другого президента. Протесты эти – вплотную подошли к кровопролитию...

Лично я считаю, что Янукович и, правда мог победить – следом за двумя Викторами шли коммунисты и социалисты, во втором туре их голоса почти наверняка достались бы Януковичу, а не Ющенко. Но это означало бы победу России, победу пророссийского кандидата. Потому то мы и здесь, мёрзнем...

Чёртов ветер...

Киев построен по оба берега огромной реки, называемой Днепр – река и правда очень крупная, почти как Миссисипи. Берега довольно крутые, особенно западный, на котором мы стоим – и получается своего рода аэродинамическая труба. Вниз от нас – пустота до самой трассы, идущей по самому берегу Днепра, тут зона памятников и отдыха. Громадная скульптура за нашей спиной – это монумент в честь единства России и Украины. Это символично...

– Мне кажется, этот придурок совсем не придёт. А я тут получу воспаление лёгких...

– Нужно ко всему относиться с оптимизмом, сэр.

Громкоговорители на Майдане – слышны даже здесь. Город в оранжевом колере – это цвет революции. Даже водители разделились – три сигнала подряд это за Ющенко, четыре за Януковича. Но Ющенко побеждает, это видно как только из дома выходишь.

Оранжевая зима...

– Кстати, вон идёт... – первым увидел я.

– Похоже. Вон, там постой. Увидишь, кто снизу идёт – свистни.

Я не обижаюсь. В дела ЦРУ лучше не лезть. Я и вообще тут быть не должен, просто я представляю гуманитарную организацию с большими связями в Белом доме. Потому ЦРУ заставили делиться с нами информацией – я передаю её дальше, на Майдан. Всё это незаконно – в том числе и по американским законам. Но сейчас не до законов, и все это понимают – включая дипломатов в посольстве, которые круглые сутки сидят на прямой линии с Госдепом.

Информатор – скорее всего из полиции или СБУ – тут у них так КГБ называется. Стучат тут многие, я уже это понял. Жалование полицейского офицера – чуть более трехсот долларов. В СБУ – долларов пятьсот. Это не в неделю, это в месяц. Потому – за американскую грин-кард без очереди – тут можно купить кого угодно.

Нам выделили пятьдесят штук. По линии Госдепа. Распоряжаюсь ими не я, но возможности влиять на принятие решений есть. Надо будет подумать, как ими распорядиться...

Опасность.

Вероятно, я увидел их даже раньше Бишопы – группа молодых людей спускалась сверху; грабители или кто похуже. Восемь человек – ещё со времён взросления в не лучшем квартале Нью-Йорка я всегда знаю, сколько человек у врага, сразу как только вижу – пересчитываю. Спортивные костюмы, которые тут носят в качестве повседневной одежды, одинаковые пуховики. Одинаковые. Скорее всего, выдали на складе.

Донецкие...

Бишоп их тоже заметил – толкнул информатора, он побежал ко мне – а я наоборот, к Бишопу, оскальзываясь на покрытых мокрым снегом ступенях и срывая с себя ветровку.

Ветровка была чертовски прочная. Хелли Хансен, я её специально для переделок купил. Вращая рукой, я свернул её в толстый жгут, и с размаха – ударил что есть силы по спине ближайшего ко мне донецкого.

– А, бля! – заорал он.

Больно? Ещё бы, у меня в кармане обломки кирпичей. Закон не запрещает носить в кармане обломки кирпичей, верно? Это меня хлопцы на Майдане научили.

Вывел из строя второго – куртка соприкоснулась с его головой с отвратительным костяным стуком и тот упал как подкошенный. Третий выхватил нож – но Бишоп вырубил его короткой дубинкой, которую успел выхватить.

– Бежим!

Мне удалось пробить коридор – и Бишоп решил то же что и я – нет никакого смысла строить из себя Чака Норриса. Мы бросились вниз, к Днепру, по пустой в это время дня и годы лестнице. За нами, издавая воинственные кличи, бросились молодые донецкие бандиты...

Как мы бежали...

Я не знаю, какого черта они к нам пристали, может, ограбить хотели, а может, им не понравились наши оранжевые шарфы, из-за которых незнакомый человек мог просто подойти

и обнять тебя на улице. Но в любом случае, у нас было больше мотивации, чем у них – мы спасали свою жизнь.

Лестница – заканчивалась подпорной стенкой, несколько метров высотой. Выхода не было.

– Прыгаем!

Земля ударила в ноги, из тоннеля рядом дуло как из аэродинамической трубы, нас высветило светом фар. Я подумал – приехали, ещё бандиты – но машина стала тормозить. На антенне была повязана оранжевая ленточка.

Водитель опустил стекло, я бросился к машине.

– Помогите! За нами донецкие гонятся!

Водитель – незнакомый украинец, не раздумывал ни секунды.

– Садитесь...

* * *

В машине было тепло, уютно, безопасно. Играла музыка... хотелось закрыть глаза и открыв, увидеть что ты дома, в Нью-Йорке... увидеть огни Бродвея или послушать тишину в ночном Центральном парке, куда я никогда не боялся ходить...

– Донецкие к вам привязались, да? – мужик за рулём был полон праведного гнева. – Вот, подонки. Но ничего, Ющ им покажет...

– Ограбить хотели... – сказал я – денег требовали...

– Этих нам только не хватало... засрали весь Киев. Я на Левый берег поеду, вам куда?

– Просто до станции метро... – усталость от погони навалилась только сейчас, – и спасибо вам большое.

– Да не за что... – мужику было явно приятно помочь – если мы друг другу помогать не будем... кто поможет?

* * *

Мы снимали несколько расположенных рядом помещений в одном из офисных центров, который был устроен в правлении недавно обанкротившегося завода – но у нас были арендованы площади и на территории, там хранили агитационные материалы и кое-какое имущество типа палаток и тепловых пушек, которые мы закупали на деньги донаторов и снабжали ими протестующих. Стоявший на входе вахтёр – в этой удивительной стране завод может не работать, но вахтёр обязательно будет стоять – знал меня в лицо, потому кивнул и освободил вертушку. Он был наш, оранжевый, кажется с братом из-за выборов в смерть разругался. Это русские так говорят – в смерть. Ну и украинцам. Он тут недалеко жил, мы иногда ходили к нему позвонить, опасаясь прослушки.

– Что тут? – спросил Бишоп.

– Горячий кофе, диван и даже есть аптечка. Устраивает?

– Более чем... – устало сказал ЦРУшник – а ты не ботаник, драться умеешь. И страха в тебе нет. Молодец.

– Перестаньте. Я обычный парень. Просто родился не в самом лучшем районе Нью-Йорка.

– Ты из Нью-Йорка?

– Точно, сэр. Могли бы догадаться – по кофе.

– Хочешь, верь – но я тоже из Нью-Йорка.

– Откуда, сэр?

– Гринвич-Виллидж. И перестань ко всем чертям называть меня сэром. После того, как ты огрел того парня, что хотел мне голову проломить – ты имеешь на это полное право. Служил?

– В армии? Нет.

– Драться на улице научился?

– На ней.

– Значит, любишь игры в тёмных переулках?

– Стараюсь не вляпываться... Мы пришли.

Я отпер дверь своим ключом – по правилам дверь всегда должна была быть заперта.

Девчонки – у нас на троих парней в группе было восемь девчонок – пили кофе. Увидев меня, они вскочили.

– Эл, ты откуда? Господи...

– Местный моб прицепился. Знакомьтесь, это Бред, из посольства. Ему тоже попало. Кофе и аптечка не мешают...

– Убил бы за горячий кофе... – сказал Бишоп.

* * *

Примерно через полчаса – подъехала машина из посольства. Без дипломатических номеров, разгонная. В ней было двое морпехов из охраны посольства, один привёз шифрованный спецтелефон.

Бишоп коротко переговорил по нему... я не прислушивался, но слышал. Ночью – будет штурм майдана.

– Эй, Эл...

...

– Найди меня в посольстве, завтра или послезавтра. Надо поговорить.

– Окей.

– А пока дружеский тебе совет – запри все двери и носа на улицу не высовывай. Целее будешь.

Бишоп махнул рукой и в сопровождении морских пехотинцев – начал спускаться вниз по лестнице...

– Это кто? – спросила неслышно подошедшая Стася. Она заканчивала Гарвард и здесь была по их гранту.

– Так, помощник посла.

У нас уже все есть. В Нью-Йорке бы мне не светило с такой цыпой, а тут – пожалуйста. Когда женщин восемь, а мужчин всего трое – у них включается инстинкт соперничества. И добиться своего намного проще. В нью-йоркском баре Стася потянула бы на девять из десяти как минимум. А я вряд ли бы и до семёрки дотянул. Но борьба за демократию вызывает зверское желание потрахаться.

– Это не помощник посла, верно?

– Ну, он помогает в посольстве...

– Не связывайся с ними, слышишь?

– Слышу.

– Поклянись.

– Извини, не могу... – повернулся я к ней

– Но почему?

– Демократия требует жертв...

Прошлое. 30 ноября 2004 года

Киев, Украина Майдан

Штурм не состоялся.

Ближе к ночи 28 ноября – действительно намечался штурм Майдана силами внутренних войск – это местная Национальная гвардия. Солдаты уже выдвигались, когда Госсекретарь США позвонил президенту Украины. Штурм остановили – после чего стало ясно, что оранжевые обязательно победят. Если авторитарная власть настолько слаба, что не может применить силу – это конец...

Через день – я нашёл Бишопа. Напряжённость в центре Киева уже спадала, пусть блокирование офисов правительственных зданий ещё продолжалось, пусть палатки стояли на Майдане – но уже шли переговоры всех заинтересованных сторон и было понятно, что кризис будет разрешён мирным путём. Второго штурма не будет.

Мы устроились в кафе национальной кухни и заказали борщ. В кафе было полно людей с оранжевыми ленточками, их кормили со скидками. Эти дни вообще запомнились какой-то удивительной близостью людей друг к другу, и желанием всех сделать друг другу что-то хорошее...

– Мы тебя проверили, – сказал Бишоп, – разведотдел флота. Почему ты соврал?

– Я не соврал. В армии я не служил.

Бишоп откинулся на спинку стула

– Ну, допустим. А на флоте ты что забыл?

– Надо было платить за учёбу. Я отрубил один контракт.

– В Испании?

– База Рота.

– То есть, ты знаешь испанский.

– Более – менее.

– И русский.

– Свободно.

– Ещё какие?

– Французский. Неплохо.

Бишоп нехорошо улыбнулся

– Те тёлки. Хочешь, скажу, которую из них ты трахаешь?

...

– Тёмненькая, с короткой стрижкой.

– Причём тут это?

– Я прав?

– Допустим.

Бишоп оскалился

– Знаешь, как я догадался?

...

– Потому что она самая лучшая. А другое тебе и не надо. Ты – хищник. И я – хищник.

И мои коллеги – тоже хищники.

...

– Тебе самое место в нашей стае, сынок...

Продолжение. 30 октября 2021 года

Вашингтон, округ Колумбия
«Гувер-билдинг», главное здание ФБР.

– То есть в Киеве вы впервые встретили Стена Бишопа, и он предложил вам работать в ЦРУ.

– Это есть в моем досье.

– И в Киеве же вы впервые встретились с мисс Никитиной. Анастейша Никитина.

– Да, это так.

– Чем занималась там мисс Никитина?

– Была волонтером, как и я. Она занималась политическими и социологическими исследованиями на местности для своей будущей книги. А так как денег у неё в ту пору было немного, она завербовалась волонтером в неправительственную организацию. Чтобы быть на месте и иметь возможность проводить полевые исследования.

– Организацию Джорджа Сороса?

– Не только. Там были и другие донаторы. Фонд Форда вкладывал не меньше.

Писатель достаёт из сумки для ноутбука книгу. Знакомая обложка

– Проблемы демократического транзита в странах Восточной Европы.

– Вы читали эту книгу, позвольте спросить?

...

– Не читали. Значит, нам нет смысла об этом разговаривать, вы все равно ничего не поймёте. Это как с дикарями обсуждать тонкости французской кухни.

Писатель улыбается. Улыбка тонкая как бритва. Забойщик смотрит на меня – возможно, у него нетрадиционная ориентация и он хочет предложить мне нечто плохое...

– Вообще-то я прочитал книгу, мистер Миллер. Мисс Никитина в ней критикует американское правительство. Точнее, поносит его. Очень тонко и интеллектуально. Но поносит. Она пытается подвести читателя к мысли, что американское правительство не может помочь нарождающимся демократиям, потому что само не является демократическим и подаёт дурной пример.

– Это её право. Закреплённое конституцией. Если люди не имеют права ругать своё правительство, значит, демократии в этой стране нет.

– Вы оказывали мисс Никитиной помощь в написании её книги?

– Нет.

– Вы делились с ней какими-либо материалами для её написания?

– Я же сказал, что нет.

– Вы в этом уверены?

– Послушайте. Сколько раз я должен повторять нет, чтобы вы поверили? Я не оказывал мисс Никитиной никакой помощи в написании этой книги. Она преподаёт в Оксфорде и у неё достаточно помощников и источников информации для её написания.

Писатель кладёт книгу на стол

– Проблема в том, мистер Миллер, что вокруг вас немало людей, которых нельзя назвать патриотами своей страны. А вот сами вы чисты как стёклышко.

– Это ваша проблема или моя?

Писатель решает сменить тему.

– Ваши отношения с мисс Никитиной начались там же, в Киеве?

– Это нельзя назвать отношениями.

– Что же это было?

– Это был секс. Отношения начались здесь, когда мы вернулись. И до того как я прошёл курс подготовки оперативных сотрудников ЦРУ. И я жалею...

– О чем же, мистер Миллер?

– А как сами думаете?

Прошлое. Август 2006 года

Лэнгли, штат Виргиния

Я работал в отделе России и стран Восточной Европы. Само существование этого отдела для понимающего человека было непередаваемым бредом. Ведь одни и те же люди с одним и тем же опытом занимались совершенно разными в историческом плане странами. Россия вообще выпадала из всех классификаций, ей надо было заниматься отдельно людям, которые там пожилы, а ещё лучше – родились. На другом полюсе была Венгрия – её относят к восточноевропейским странам, как и Чехию – но на самом деле это части Австро-Венгерской империи, такового прообраза современного Европейского союза начала 20 века – и у них совсем другой исторический опыт. Сюда же, в кучу валят Польшу – несостоявшуюся империю, которая более чем за двести лет насильственного сожительства с Россией стала похожа на неё намного больше, чем сама хотела бы признать, Болгарию, которая веками находилась под властью чуждых ей османов и травма эта даёт о себе знать до сих пор, Румынию, которая вообще считает себя наследницей Рима, хотя по факту похожа на шестнадцатую республику СССР, ну и Украина, которой меня посадили заниматься. Это вообще ни на что не похожая страна – огромная, сшитая из осколков Российской, Османской, Австро-Венгерской империй, Речи Посполитой, страна в которой по факту правят перекарсившиеся коммунисты, сменившие лозунги мировой революции на националистические, в которой безусловно есть постколониальные черты и постколониальный опыт; но суть в том, что этот постколониальный опыт остался от нескольких империй и у жителей разных регионов он не един, он противоречит друг другу, и заставляет их вступать друг с другом в конфликты, суть которых мало понятна окружающему миру. Наконец, сам мир тоже не знает, как относиться к Украине? Как ко второй России? Как к части Европы? Как к страховке на случай если в России победит тоталитарный проект? Принимать в ЕС – место ли в ЕС стране с территорией больше Германии и с ВВП, в несколько раз меньше? И с совершенно разным историческим опытом. В конце концов, само понятие «союза» означает группу единомышленников – а тут о каком единомыслии можно говорить?

Что ещё хуже, существует как минимум три конфликтных во многом подхода к Украине. Российский, западноевропейский и восточноевропейский, который почти единолично определяет Польша, ещё одна бывшая хозяйка большей части этих земель. США я не упоминаю – потому что в США подхода нет вообще, мы занимаемся проблемами бывшего советского пространства ситуативно, когда там что-то полыхнёт или произойдёт. Когда к нам приезжает какой-нибудь президент типа Ющенко – мы приглашаем его выступить в Конгрессе и верим всему, что он нам скажет. Хотя тот же Ющенко имеет отношение к чёртовой тьме махинаций начала 90-х, к разворовыванию активов банка «Украина» – и его никак нельзя считать честным человеком...

В ЦРУ Украина – после событий Оранжевой революции – считается достаточно невидной темой, чтобы ей занимался только один специалист, да ещё начинающий. Такой как я. У меня нет никакой подготовки по Украине, даже украинский язык мне приходится учить «на ходу», хотя почти всегда украинцы говорят на русском.

Этот день – был таким же как обычно. Я сидел на своём месте – которое мало чем отличается от обычного рабочего места в обычном офисе, за исключением например того, что в компьютере нет ни дисководов, ни СД-приводов, ничего, через что можно скачать информацию. Я просматривал материалы с посольства и киевской станции, разносил их по досье и размышлял, есть ли тут что-то такое, что можно включить в объединённую разведывательную сводку. По Украине такие материалы попадались редко, сейчас все внимание было обращено на Ближ-

ний Восток. Про Восточную Европу никто не думал. А после того как Ширак и Шрёдер отказались нас поддержать в Ираке – старались не думать и про Западную...

Вдруг зазвонил телефон – у нас все телефоны старомодные, проводные. Я снял трубку.

– Эл...ты не мог бы зайти прямо сейчас

– Да, сэр.

Это Эд Харрис. Старый герой времён Холодной войны, у него на столе вместо пресс-папье – камень из Берлинской стены. Здесь он дорабатывает до пенсии. Все кто делает карьеру – сейчас в отделе Ближнего Востока.

В кабинете Харриса был незнакомый мне человек, примерно моего возраста, в очках. Похожий на ботана. Доверия он особого не внушал.

– Эл, это Сэм Пекипси из Госдепа. Это Эл Харрис, наш специалист по Украине.

Мы кивнули друг другу

– Госдеп сейчас готовит доклад по состоянию дел с демократией и прогнозом на будущее.

Их интересует наше мнение по Украине. Можешь быстро изложить?

– Быстро это как?

– Несколько минут.

– Несколько минут. Что ж, я считаю, что дела с демократией на Украине обстоят плохо и дальше будет только хуже. Это то, что вы можете включить в доклад.

Харрис и этот госдеповец переглянулись. Харрис осторожно заметил

– Эл у нас известный пессимист. Пожалуй, пессимистичнее его в отделе и не найти никого.

Пекипси отмахнулся

– Не могли бы вы пояснить свою точку зрения, мистер...

– Миллер. Поясню. Проблема в том, что для Ющенко – это президент Украины, как и для других членов украинской элиты, демократия – это красивое слово, не более того. Они знают, что произнеся его – получают нашу помощь, наши кредиты, будут приняты в Белом Доме и в Брюсселе – надо просто говорить о демократии, да побольше. В действительности они демократами не являются. Это циничные люди, заботящиеся о своём кошельке, занимающиеся извлечением выгод из пребывания на своей должности – и очень мало думающие о народе. Большинство из них – типичные советские бюрократы, освоившие новую риторику. Раньше они говорили о светлом будущем коммунизма, в котором не будет денег, теперь они говорят о светлом будущем в Европе, с зарплатами по тысяче евро. Народ этому верит, как верил бредовым рассказам о коммунизме без денег.

– Но рано или поздно ложь будет вскрыта!

– Вот именно. Рано или поздно люди поймут, как их снова обманули. И я бы задумался над тем, а что будет тогда? Боюсь, ничего хорошего...

– Сейчас на Украине – сказал Пекипси – на повестке дня парламентские выборы. Единого мнения насчёт их исхода нет.

Я пожал плечами

– Украина – непредсказуемая страна, я согласен

– А ты что думаешь? – спросил Харрис

– Сэр, я полагаю, нам не стоит делать ставку на одного лишь Ющенко.

Пекипси глянул на меня

– А на кого тогда? На Тимошенко? – на неё у ФБР досье толщиной с батон вирджинской ветчины. Янукович – я правильно произношу? – отыгранная карта.

– Сэр. И Тимошенко и Янукович – отличные популисты. Ющенко же – когда я смотрю на него, мне кажется, что он как будто только что проснулся. Может быть, он и лучший банкир Восточной Европы, но завести людей на митинге он не сможет. Кроме того, неизвестно,

сколько вообще он проживёт после того что с ним случилось. В условиях, когда ничего не понятно – стоит делать ставку на всех сразу.

– Но как?

– Очень просто. Одни фонды поддерживают одних. Другие других. У нас не должно быть любимчиков, ставить нужно на всех лошадок сразу. Тем более что и деньги на это у нас есть. Знаете, как написано в одной книге про Ми-6? Империя не может позволить себе проиграть. Потому что когда у вас начнётся война – кто-то из нас будет за вас, а кто-то – против...

* * *

Бывший советский отдел ЦРУ – находился в старом здании ЦРУ, которое хорошо известно по фильмам – в то время как контртеррористический и Ближнего Востока – переехали в новое здание, открытое совсем недавно по соседству – Контртеррористический центр имени Джорджа Буша. Конечно, в старом здании было неудобно, многие кабинеты нуждались в ремонте или были очень неудобными – но кормили в столовой хорошо...

Я как раз взял салат и торт с корицей, когда Пекипси подсел ко мне. Я и не знал, что он в здании – с момента нашего короткого брифинга прошло часа два, а у нас не позволяют посторонним шататься по зданию. Даже если они из Госдепа.

– Миллер, если я не ошибаюсь?

Я недружелюбно посмотрел на госдеповца

– Не ошибаетесь.

– Предлагаю на ты. Сэм, – он протянул руку

– Эл, – я руку не пожал.

– Ваша точка зрения на Украину более чем интересна. Я разговаривал с заместителем Госсекретаря, и он приказал мне вернуться. Хотите в нашу команду?

Я пожал плечами

– Я и так в вашей команде.

– Это не так. Госдепартамент и ЦРУ – это разные организации, кто бы что не думал. Как насчёт встретиться с моим шефом и переговорить?

– О чем?

– Вначале – прикомандирование к рабочей группе, это можно устроить совсем без проблем. Затем – перевод и дипломатический персонал.

Пекипси улыбнулся.

– Через десять лет частный сектор и жалование втрое выше государственного – как минимум. Или – Белый дом. Госдеп – куда лучший трамплин для карьеры, чем Лэнгли. Подумайте над этим.

Я помолчал. Потом кивнул

– Подумаю...

* * *

Стена Бишоп я нашёл как раз в Контртеррористическом центре имени Джорджа Буша, он там работал. Договорились встретиться после работы.

Местом встречи был один из многочисленных торговых центров по дороге в город, недалеко от Лэнгли. Предприимчивая афганская семья открыла в одном из таких центров ресторанчик пуштунской кухни. Теперь в нем отбоя не было от ЦРУшников и частных военных подрядчиков...

Бишоп опоздал почти на полчаса, когда он появился – я не узнал его. Серая кожа – от сильного загара в свете ламп люди так и выглядят, морщины, борода с проседью, неаккуратно подстриженная. В Киеве он выглядел совсем иначе...

Ответив на пару рукопожатий – он сел за мой стол...

– Эл... заказал уже?

– Баранина, сэр.

Бишоп скривился

– Сыт по горло этой бараниной. Черт с ним, будем есть баранину...

Принесли чай, заваренный по-пуштунски, то есть с жиром. Бишоп отхлебнул, поморщился.

– Да, черт возьми. Афганистан в паре миль от ДиСи – это слишком. Чего хотел?

– Сэр, мне предлагают перевод в Госдеп. Создаётся украинская группа.

– Так в чем проблема?

– Проблема в том, что я не ради этого пришёл в разведку.

– А ради чего?

...

– Хочешь, скажу?

...

– Ты пришёл, чтобы иметь возможность напирать пару задниц как следует. И когда я говорю «как следует», я не преувеличиваю.

– Возможно.

Принесли мясо – в тарелке были бараньи глаза, их подали Бишопу как дорогому гостю. Бишоп сунул один из них в рот, раскусил, глядя на меня

– Добро пожаловать в клуб

– Какой клуб?

– Тех, кому тесно дома. Если бы ты так и сидел в аналитике – я бы в тебе разочаровался.

...

– В Кабуле вакансий нет, там, судя по всему, мы закончили. В Багдад поедешь?

Я кивнул

– Вот и отлично...

Прошлое. Сентябрь 2006 года

Багдад...

В Багдад я летел не через Рамштайн как военные – а через Лондон. Гражданским рейсом. Самолёт был полон парней от двадцати до сорока лет, которые были согласны подставлять задницу под пули за тысячу долларов в день. На меня косились, но я ничего не говорил, и они ничего не говорили.

Когда заходили в БИАП^{3*} – я поразился тому, какая в Ираке земля. Цвета среднего между серым и коричневым, однотонная, почти без зелени, такого же цвета дома... сплошная песчаного цвета пустыня с такими же домами.

БИАП, который практически не пострадал во время войны – сейчас был одновременно и военной базой и гражданским аэропортом. Громадное, мрачное, примитивной архитектуры здание, на фоне которого самолёты казались маленькими, везде заграждения из габионов, изломанные и отброшенные в сторону строительной техникой старые советские самолёты и вертолёты, НАТОвская техника, постоянное движение на поле и рядом с ним. Все суетились как муравьи, и я не был уверен, что кто-то знает конечную цель всего этого. Все просто выполняли – кто приказ, кто свою работу...

Самолёт конечно же не подрулил к терминалу – тут мало что действовало, вместо этого он встал прямо на поле. Подали трап. Все встали, начали продвигаться к выходу... кто-то толкнул меня, и я толкнул в ответ. В следующий момент я вступил на трап – и солнце наотмашь ударило меня по лицу...

Я спустился по трапу, надевая очки, огляделся – похоже, встречать меня никто не собирался. Раздумывать мне долго не дали – кто-то схватил сзади за локоть, я повернулся. Передо мной стоял тип, ростом с меня, редкая рыжая борода и мерзкая английская рожа – почему то я сразу опознаю кузенов ещё до того, как они начинают говорить своим гнусавым прононсом.

– Ты меня толкнул сынок. Извиниться не хочешь?

– Хочу. Иди нахрен.

Тип пристально смотрел на меня

– Что ты сказал, парень?

– Я сказал, иди на... – я повторил то же самое, но в ещё более грубой форме.

Кто-то подошёл к этому типу, похлопал его по плечу

– Оставь этого сосунка, Дик, нам идти надо...

Рыжий – он, видимо, и впрямь был в возрасте – отпустил мою руку

– Не попадайся мне на пути, парень.

Я ничего не ответил – просто подумал, что мне до терминала плюхать пешком, а по такой жаре это не слишком приятно.

* * *

В самом аэропорту было не так жарко, хотя кондиционеры и не работали – видимо, иракцы знали что делали, когда строили, каким-то образом обеспечивалась циркуляция воздуха. Поскольку никто не стал бы стоять с плакатом «Эл Миллер, ЦРУ» – я ехал как сотрудник посольства и меня встречали как обычного сотрудника посольства – нас девять человек было. Помимо сотрудников посольства были и частные гарды, в Ираке почти всё было пере-

---

³ Багдадский международный аэропорт.

дано на откуп частникам, деньги на это шли огромные. Здоровяк с М4 – раздал нам по старому армейскому бронезилету – он был такой здоровый, что держал все девять бронезилетов разом. После чего вперёд выступил мужчина в бейсболке и чёрных очках.

– Всем доброго дня и добро пожаловать в Багдад. Меня зовут Алекс и меня наняли, чтобы доставить вас в центр Багдада целыми и невредимыми. Чем я и собираюсь заняться. Если всё пройдёт удачно – то вы через полтора часа окажетесь дома а я заработаю на ещё один месяц колледжа для моих дочурок. Их у меня две...

Я вдруг понял, что он боится. Эта бравада призвана скрыть глубокий страх и отчаяние, поселившиеся в нем. Он боится не вернуться домой к своим дочкам – и потому так шутит.

Да, он боится...

– ... Запомните главное: если вы вдруг по какой-либо причине оказались на дороге, без прикрытия конвоя, например, вас выбросило взрывом из машины – запомните. Даже если по вам стреляют – ни в коем случае не сходите с дороги! Оставайтесь на полотне дороги! Ложитесь около бетонного отбойника, закройте голову руками – и ждите, пока вас не обнаружит и не идентифицирует патруль Коалиции. Но не сходите с дороги!

...

– Запомните, местные на сто процентов враждебны, и если вы сойдёте с дороги и углубитесь в жилые кварталы – местные обязательно вас найдут и жестоко убьют. Опасны все, даже дети! Зона вокруг аэропорта – зона свободного огня, и если вы окажетесь вне дорожного полотна – по вам может открыть огонь кто угодно – снайпер, стрелок с вертолёта. Никто не будет пытаться вас идентифицировать, там зона свободного огня!

Здорово. Это здесь мы строим демократию, или я ошибся адресом?

* * *

Мы вышли к машинам – три Субурбана, на каждом кустарно укреплены двери, задняя дверь снята и установлена бронеперегородка с пулемётом. Нас рассадили в машины по три человека – и в каждой было по четыре гарда. Субурбаны тронулись... я думал, мы так и поедем – но оказалось, мы должны были присоединиться к более крупному конвою, включавшему в себя армейскую бронетехнику.

Наши машины встроились в общий конвой – и минут через двадцать стояния и нервных переговоров по рации – мы тронулись...

Так я в первый раз оказался на Трассе.

Трасса – или дорога на БИАП – одно из самых страшных мест во всем Ираке, а может и во всем мире. Несколько миль смертельной опасности, ракетчиков и смертников на машинах. Огонь могли открыть в любой момент... это было место, где цели были постоянно и джихадистам тут было как мёдом намазано...

Несколько миль, примерно по две полосы в каждом направлении, сплошные бетонные отбойники человеку по пояс – внешние и по центру. Наскоро засыпанные сапёрами воронки и сгоревшие машины по обочинам – буквально на каждом шагу. Я сидел в головной да ещё впереди – мне, несмотря на пыль было всё хорошо видно, лучше чем другим...

Постоянных постов здесь не было – только мобильные патрули. Постоянным постам тут невозможно было выжить...

Навстречу нам тоже шли машины. Из развлекательного центра напевал Боб Дилан:

Мама, забери у меня этот значок,
Я больше не могу его использовать,
Темнеет, уже слишком темно, чтобы увидеть хоть что-то,
Кажется, я стучусь в дверь небес.

Стук-стук-стучусь в дверь небес.
Стук-стук-стучусь в дверь небес.
Стук-стук-стучусь в дверь небес.
Стук-стук-стучусь в дверь небес.
Мама, положи моё ружьё на землю,
Я больше не могу стрелять.
Большая, чёрная туча спускается вниз,
Кажется, я стучусь в дверь небес.

Это то чем мы здесь занимаемся – стучим в дверь небес. Кто-то ради карьеры, кто-то ради тысячи долларов в день и колледжа для детей.

Многим откроется, чувствую...

Многим...

Накаркал – чёрный столб разрыва встал совсем недалёко от нас, справа от колонны...

Водитель отреагировал мгновенно – включив полицейские проблесковые маяки и сирену, начал увеличивать скорость. Багдад – мчался нам навстречу – грязный, пыльный, бесцветный...

Мимо мелькнула горящая машина – и осталась позади. Кому-то не повезло.

– Почему мы не остановились? – спросил я, перекрикивая старину Дилана

– Зачем?

– Чтобы помочь.

– Это не наше дело. Им патруль поможет...

* * *

Когда я попал в помещения, которые занимало станция ЦРУ в Багдаде – напомним, это было до того как ввели в строй новый комплекс посольства США, и после того, как взорвали отель «Палестина» – я удивился, в какой тесноте и в каких условиях все сидят. Мелькнула даже мысль – куда я ко всем чертям попал, это точно передовая борьбы за демократию в арабском мире?

Посольства США при Саддаме в стране не было – но были инспекции ООН, и под их крышей мы и работали. Потом, когда мы вошли в Багдад – никто не ожидал, что это будет так легко и просто, режим просто рухнул, развалился на части – станция ЦРУ в Багдаде некоторое время располагалась в одном из немногих приличных мест в этом городе – отеле «Палестина». Потом – станцию ЦРУ взорвали, погибли люди, и стало понятно, что в отеле – любом отеле – теперь находиться небезопасно. Станция переехала в Зелёную зону, под защиту армии. Что такое Зелёная зона – я вам ещё расскажу.

Начальником станции ЦРУ в Багдаде в те дни был Гарри Майер, он основывал эту станцию после стольких лет отсутствия США в этом городе, и многое мог порассказать. Сидел он в какой-то обшарпанной комнатке, нормального, стационарного кондиционера не было и работал напольный, мебель была старой и не американской – не удивлюсь, если её нашли в близлежащих домах или стащили из местного комитета партии БААС. Героического впечатления начальник станции тоже не производил.

– Как доехали? – спросил он, пожимая мне руку

– Всего один обстрел, сэр – бодро ответил я

– Арабским владеете?

– Нет, сэр.

– Какими языками владеете?

– Русский, испанский, французский... – запнулся я, – украинский...

- По Украине работали?
- Да.
- Майер усмехнулся
- Иначе украинский вам был бы не нужен. Как попали сюда?
- Я хочу быть на этой войне.
- Шеф станции задумался
- Спортом занимались?
- Да, сэр.
- Тогда... если вы не владеете арабским, я могу вас прикомандировать к рейнджерам или Дельте. Задача – отработка источников информации в полевых условиях.
- Я готов, сэр.
- Майер посмотрел на меня с подозрением и даже жалостью, но ничего не сказал.
- Тогда добро пожаловать. Найдите Криса Комба, он внесёт вас в объединённую базу^{4**}.
- Так я и попал в *Таск Форс 121*...

* * *

Таск Форс 121 – сейчас уже не все помнят, что это такое... много всего произошло с того времени. Когда мы вошли в Ирак – мы столкнулись с угрозой от бывших офицеров Саддама и его смертников, так называемых «федаинов» с одной стороны, и исламских экстремистов как шиитского так и суннитского толка ислама с другой. Чтобы парировать эти угрозы и найти или уничтожить лидеров сопротивления – и была создана группа 121 – межведомственная, туда входили даже сотрудники минфина, которые отслеживали подозрительные транзакции боевиков. В Ираке – её боевым крылом, наконечником копья – выступало подразделение Дельта, то самое что отметилось в Могадишо^{5***}. Именно туда меня и откомандировали – потому что при одной группе «они назывались team – четыре человека, минимальная боевая единица» – положено было быть кому-то из ЦРУ. Они выводили на цель, а я должен был по обстановке – либо получать информацию, либо выбивать её.

Я сначала не понимал, почему меня, новичка – сразу прикомандировали к лучшему спецназу в мире? Потом понял. Между ЦРУ и Пентагоном – были постоянные трения по поводу войны в Ираке, её стратегии и тактики. Точно так же – Госдеп пытался брать на себя некоторые функции ЦРУ, ничего не понимая и доверяя не тем людям, которым следовало бы. Они считали, что любую проблему можно решить, просто дав денег – Пентагон тоже так считал, просто у них деньги были заменены на пули.

Таск Форс 121 – располагался в нескольких помещениях на разных военных базах – но кроме того, у него были и передовые точки в городе, с которых можно было проводить операции low profile, то есть на гражданской технике и не в форме. Одна из них, известная как low house six – располагалась недалёко от вокзала в здании бывшего районного политического комитета партии БААС. Это было замаскировано под частную базу британской военной компании Eginus, в которой в основном были бывшие бойцы 22SAS и южноафриканские белые солдаты, которым в новой Южной Африке не было места. Были там и ещё более экзотические типы, например, боевые операции на месте у них возглавлял тип из Родезии, бывший Скаут Селуса⁶. Но все это я узнал не сразу.

---

⁴ В Ираке коалиция впервые применила принцип общей базы – все имеющиеся ресурсы вписываются туда и командиры, готовя операцию, заходят в базу и подбирают нужные ресурсы и персонал – условно говоря, берут танкиста с танком, снайпера... всё, что нужно. Минус в том, что команда получается несыгранной.

⁵ В 1993 году во время проведения операции по задержанию полевых командиров – были сбиты два вертолёта Чёрный ястреб. Попытка спасения экипажей закончилась тяжёлыми боями в городе, погибли 16 американцев.

⁶ Родезия – так называлось Зимбабве до 1980 года. Скауты Селуса – отряд спецназа для действий в буше, один из самых

Так как я был совсем молодым и глупым, желал продемонстрировать свою полезность – меня засунули на должность Special Agent/Investigator в полевой офис – эта должность пустовала, а у меня было необходимое для её занятия полное высшее образование, которое, кстати, в ЦРУ есть далеко не у всех молодых агентов. Итак, теперь мне со всеми надбавками должны были платить в год около ста пятидесяти тысяч – но за эти деньги я должен был рисковать своей задницей, сидя в центре одного из самых опасных городов мира – а мы даже на ночь оставались на этой базе, не уходили под защиту армейских сил. В любую ночь нас могли просто вырезать.

Заниматься я должен был полевыми допросами схваченных с оружием и/или взрывчаткой типов, которых солдаты не пристрелили и не посадили в detention camp, а по каким-то причинам передали в нашу юрисдикцию. Само по себе это было опасно, потому что они видели моё лицо – а некоторых из них потом отпускали.

Но сначала – мы прибыли на базу в громадном, неповоротливом Форд Икскершн и я нос к носу столкнулся с теми типами, одного из которых я послал куда подальше в аэропорту. Теперь они должны были меня защищать.

Что дороже всего в мире? Оказывается: сознавать, что ты не участвуешь в несправедливостях. Они сильнее тебя, они были и будут, но пусть – не через тебя.

*А.И. Солженицын
В круге первом*

Никогда не забуду первого иракца, которого мне пришлось допросить.

Дело было в Кэмп-Либерти, военном лагере США недалёко от аэропорта, в котором находилась и тюрьма для временно задержанных лиц. Поскольку тюрьма (лагерь, как его называли) не резиновая, а иракцев все привозили и привозили – время от времени её приходилось разгружать. На целый день приезжал кто-то со станции ЦРУ, и рассматривал дела задержанных – надо было решить, кого в Гитмо^{7*****}, кого в один из лагерей в Кувейте для более детального разбирательства, кого передать иракским властям. Последние – почти наверняка окажутся на свободе, как только родственники соберут деньги на взятку.

Должность разбирающего дела – на станции была переходящей, было установлено дежурство, потому что постоянно копать в дерьме никто не хотел. Меня обрадовали почти сразу – я уже прибыл, а за месяц ещё ни разу не отдежурил. Значит, дежурить мне.

Все происходило в стандартном армейском контейнере, где поставили мебель, вентилятор, подвели электричество и приварили к полу некое подобие стульев для задержанных. Я устроился с комфортом, переговорил с переводчиком, включил ноутбук, установил камеру и задумался о судьбе Джонни Спана⁸. Но думать было некогда – военные полицейские привели первого человека, судьбу которого я должен был определить.

Молодой парень, лет двадцати, длинные волосы, никакой бороды, загорелый. Вообще не арабский тип – если бы он работал моделью в Европе, добился бы успеха. Похож на итальянца.

– За что его? – спросил я у военного полицейского

– Все в досье написано

Они даже не знали, за что взяли тех, кого они водили на разбор. Интересно, а за что им тогда деньги платят, чем они на базе занимаются?

Я посмотрел досье. Остановили машину на дороге, в ней при обыске нашли два гранатомёта и выстрелы к ним. Водителя задержали и доставили сюда. Это и есть этот самый парень.

– Как тебя зовут? – спросил я

– Махмуд – был ответ

эффективных отрядов за всю мировую историю сил спецназначения.

⁷ Гуантанамо.

⁸ Сотрудник ЦРУ, в 2001 году его разорвали заключённые-талибы при мятеже в афганской крепости Кали-и-Джанги.

- Сколько тебе лет?
  - Двадцать.
  - Где взял оружие?
  - Нашёл в пустыне.
  - Зачем подобрал?
  - Вёз на продажу.
  - Тебе нужны деньги?
- Махмуд не ответил.

Все это может быть правдой – а может и не быть. До 1991 года армия Саддама была четвёртой в мире. Четвёртой. Сейчас, когда мы её разгромили за пару недель – большая часть солдат Саддама просто разбежалась по домам, побросав свои базы и технику в пустыне. Никто не знает, что лежит в пустыне – но на базарах в Багдаде автомат стоит долларов пятьдесят. Пистолет около ста, потому что его скрытно носить можно. За двадцать можно купить противотанковую мину, чтобы подложить на дороге, где патрулирует Коалиция. Если получится – в ближайшей мечети заплатят сто долларов. Если были погибшие – то пятьсот. Саддам боролся с исламом, сажал в мечети имамов, которые были членами партии БААС – но теперь в мечетях новые имамы. Большинство из них – неизвестно, откуда, никто не знал их до того как они появились в мечети. Некоторые даже не владеют иракским диалектом арабского. Но деньги у них есть.

Ничего не работает, и у местных в большинстве своём нет другого способа заработать – только этот.

Я открыл пакет для улик, перебрал изъятое. Моё внимание привлекла фотография – Это твоя машина, да?

На фотографии был изображён Махмуд на фоне автомобиля БМВ красного цвета Парень улыбнулся, и я понял, что попал в точку

– Да, это его машина – перевёл переводчик

Надо учить арабский. Хоть как. С Розеттой Стоун⁹ даже в сортир теперь.

– Тебе нравится твоя машина?

– Да, нравится.

– Это твоя машина или ты её угнал?

Махмуд вспыхнул от обиды

– Это моя машина! Это подарок!

– Тебе её подарил отец?

– Да, он.

– Чем занимается твой отец?

– Он... торгует

– Оружием?

– Нет... лекарствами, едой.

– Из Иордании?

– Да, оттуда.

Я понял, с чем имею дело. Во времена Саддама – через Иорданию шла вся запрещённая торговля. Бензин в Ираке стоил дешевле воды, и потому иорданцы – жили на дешёвом иракском топливе. Топливопровода не было, его бы разбомбила Коалиция – но бензовозами только так возили. Обратное шло все что угодно – от еды и лекарств до предметов роскоши. В Иордании не было своей нефти – и они сильно поднялись на контрабанде за эти годы.

– Если твой отец богатый человек, зачем ты возишь оружие?

Махмуд понурился

---

⁹ Лингафонные курсы иностранных языков, самые популярные в США. Официально одобрены Госдепартаментом.

– Как открыли границу – начал рассказывать он – дела пошли плохо. Теперь все возят. Отец не даёт денег даже на бензин. А я хочу участвовать в уличных гонках.

– Здесь, в городе? – удивился я

– Нет, на трассе на Иорданию есть место.

– То есть, у тебя есть машина БМВ, но нет денег на бензин, так?

...

– Скажи, ты мусульманин?

– Да.

– Шиит или суннит?

– Суннит – сказал Махмуд с запинкой

Я понял. Никакой он не мусульманин. Просто думает, что он мусульманин, раз все должны быть. Он сын богатых родителей, имевший доступ к западной контрабанде. А сейчас связался с нехорошими людьми – но он нам не враг.

Скорее наоборот.

– Давай-ка, выйдем на солнце

Мы вышли на солнце, и я попросил солдат на охране сфотографировать нас вместе – меня, переводчика, военных полицейских и Махмуда. Махмуд был недоволен.

– Зачем это?

– Затем что я тебя отпускаю. Можешь идти. Если мы узнаем, что ты опять перевозил оружие – я эту фотографию распространю на базаре. А если хочешь денег на бензин – приходи и я найду тебе честную работу.

...

– Отпустите его.

– Но сэр... – неуверенно сказал один из военных полицейских

– Вы что, не слышали приказ?

Полицейские слышали. Но исполнять не спешили. Один запросил помощь – и через пару минут к нам подъехал начальник военной полиции базы. Ездил он по базе, что странно, на велосипеде. Выслушав подчинённых, он подошёл ко мне.

– Сэр, мы не должны его выпускать.

– А что мы должны сделать?

– Если он нам не интересен – передать иракским властям.

– Зачем? Чтобы какой-то урод заработал на нем свои две с половиной штуки? Нет уж, оставим иракских копов без своего куска. Отпустите его, сейчас. Это моя компетенция.

Начальник полиции базы подумал, потом махнул рукой – и поехал обратно к домикам. Военные полицейские повели Махмуда к воротам.

* * *

Вечером, вернувшись на точку, я потребовал автомат. Британцы начали препираться – по каким-то таким их правилам я должен был быть без оружия, поскольку они меня охраняют. Но я настаивал – и мне принесли румынское укороченное дерьмо с парой магазинов.

* * *

Через несколько дней я узнал, что этого парнишку, Махмуда, которого я отпустил – зарезали. Экстремисты, которым он перевозил оружие, чтобы заработать на бензин для своей машины – подумали, что раз его отпустили – он всех сдал...

И убили его.

Прошлое. Ноябрь 2006 года

Багдад...

Время шло... в Ираке вообще быстро идёт время, такое ощущение, что здесь всё снялось с тормозов. Я постепенно занимал своё место в иерархии Станции

К этому времени – я уже сносно говорил на арабском, по крайней мере, мог объясниться. У меня вообще была склонность к языкам, я запоминал их довольно легко и испытывал удовольствие от общения с людьми других культур.

Год назад, в Хадите, американские морские пехотинцы решили отомстить за погибшего при подрыве СВУ товарища. Они остановили на шоссе такси, вывели пассажиров и расстреляли их. Затем они остановили второе такси и сделали то же самое. Так они убили шестнадцать человек, ни один из которых не был террористом и не оказывал нам сопротивление. Потом они попытались скрыть произошедшее, но неудачно. Восемь морпехов были арестованы¹⁰. Потом их всех выпустили, один кажется получил три месяца.

До этого – были и другие инциденты: расстреляли с вертолёта свадьбу (сорок убитых), колонну иракских полицейских (более двадцати, удар как мы выяснили, навёл тайный сторонник Аль-Каиды, пробравшийся в переводчики и неправильно передавший информацию),

Незадолго до этого – большая группа иракских протестующих подошла к зданию временной администрации, защищаемой американскими солдатами. Нервы у всех были на пределе. После того, как неизвестно откуда прозвучал выстрел – американские солдаты открыли шквальный огонь по толпе. Более сорока убитых, в том числе в близлежащих домах. Просто стреляли во все стороны.

Шиитские и суннитские религиозные общины к этому времени полностью самоорганизовались, но ещё не вели войну друг с другом. Зато они вели войну с солдатами Международной коалиции – именно они, а не сторонники Саддама оказались нашими главными противниками. Несколько операций армии США по зачистке городов – возможно, и снизили численность активных террористов, но привели к тому, что от открытого контроля городов они перешли к террористической войне. Двухмиллионный Садр-Сити – шиитский анклав в преимущественно суннитском Багдаде – никто и не думал зачищать, потому что к нему было опасно даже приближаться.

На стенах – висели листовки с призывами защищать своих религиозных лидеров и убивать оккупантов. Союзников у нас почти не было. Терракты – происходили практически ежедневно. Через не перекрытую границу с Ираном – просачивались молодые бойцы Корпуса стражей Исламской революции Ирана, чтобы принять личное участие в атаках на «большого Сатану».

Демократии тоже не получалось. В Ираке были три большие группы населения – сунниты, которые составляли примерно четверть населения страны, но при Саддаме были у власти так как Саддам и сам был суннитом. Примерно шестьдесят процентов населения страны составляли шииты и они хотели поквитаться с суннитами за обиды времён Саддама и предыдущих тринадцати веков. Оставшиеся жители страны – это были курды, компактно расположенные на севере. Они и вовсе не считали себя иракцами и хотели отделиться.

Прямые выборы были невозможны – все понимали, что голосовать будут «за своих» – а придя к власти, проявят трайбализм в худшей его форме, продвигая своих и унижая чужих. Политики из Госдепа придумали распределение должностей как в Ливане – президентом страны становился курд, представитель самой малой части иракского общества, чтобы никому

---

¹⁰ Был осуждён только один из них, наказание – три месяца тюрьмы. Остальные были оправданы.

не было обидно. Председателем правительства – шиит, главой парламента – суннит. Должность глав судов занимают представители всех групп по очереди. Но любому кто знал историю, в том числе мне, было очевидно, к чему это приведёт. Все время три ветви власти будут грызться меж собой и направлять все силы не на работу на благо страны – а на то чтобы спихнуть соперников и узурпировать власть целиком. Это должно было быть так... и не спрашивайте, почему так. Просто это так. Просто эти люди так живут, и по-другому у них не выходит.

Возможно, они смогли бы жить по-другому. Лет через пятьдесят. Но этого времени у нас не было. У них тоже.

У нас был свой план – конфедеративный Ирак, и передать максимум полномочий на места, в общины. Но это отвергли, потому что боялись влияния Ирана.

Мне уже доверяли и у меня были свои доверенные лица, с кем можно было обсудить ситуацию. И в этот день – я как раз направился в Рамади, один из самых опасных городов Ирака, в котором постоянно происходили нападения. Я должен был кое с кем встретиться, а заодно передать из рук в руки один пакет с секретной документацией и забрать другой. В общем, раз уж поехал, то по пути заедь...

Туда мы шли с колонной. Турецкие грузовики – извозом тут зарабатывали турки – и британское прикрытие. Мои protective agents были тоже британцами и им не составило труда договориться со своими, чтобы присоединиться к колонне бесплатно. Утром – мы присоединились к колонне и покатали на север, встав на трассу. Трасса была отличной – при Саддаме через весь Ирак протянули настоящие автобаны. Сгоревшая техника да латки на бетоне, более светлые, чем вся трасса – отмечали наш путь. В одном месте взрыв произошёл совсем недавно, там стояли полицейские. Один из них, не стесняясь, показал нам фак.

– Черт, мне нравится эта страна! – Майк, сидевший за рулём, ударил по баранке – может, пристрелить этого типа, а?

– Уймись

Это сказал Дик, старший моей группы сопровождения. Как я узнал, он был не из САС, а входил в спецгруппу британской морской пехоты, охранявшей ядерные подлодки

– Нет, если я должен улыбаться в то время, когда мне показывают фак, я должен по крайней мере понимать, какого хрена!

– Такого что ты в день зарабатываешь больше, чем некоторые за месяц. Поэтому заткнись.

Я молча слушал. И понимал, что ничего хорошего не выйдет. Мы потеряли цель в этой войне – Саддама больше не было, он сидел у нас – но ничего не закончилось.

А вот у них цель была.

* * *

Обратно конвоя не было, и мы решили доехать до Багдада в одиночку, рассчитывая на скорость и светлое время суток. В железном треугольнике¹¹ это оказалось опрометчивым решением...

Все произошло внезапно. Когда мы проезжали какой-то населённый пункт – земля перед самым носом громадной машины вдруг вздыбилась – и нас накрыло чёрным облаком разрыва...

---

¹¹ Место компактного проживания суннитов, включающее в себя Рамади и родину Саддама – Тикрит. Отличалось особенно ожесточённым сопротивлением. Железным треугольником это место назвали по количеству сгоревшей техники у дорог.

* * *

Как мы остались живы?

Они неправильно оценили скорость и поспешили – заряд рванул прямо перед носом, но не задел колесо. Майк, ослеплённый разрывом, не видя дорогу, тем не менее принял правильное решение – ехать, пока машина едет. У нас был повреждён радиатор, но двигатель работал, и сколько то мы бы ещё проехали. Но местные жители – раздосадованные тем что машина кяфиров ещё едет, решили добавить из РПГ. И попали... видимо, практика уже была.

Когда начался обстрел – Дик, по инструкции, сбросил меня с сидения – чтобы защитить, чтобы я был под прикрытием более защищённой части машины. Потом – рвануло, и я на какое-то мгновение оглох и ослеп, не понимая, что происходит.

Потом понял – если не начну действовать сам, то нас тут так и добьют.

Машина ещё катилась, мы почти вышли из зоны обстрела. Но двигатель не работал. Автомат Дика давил мне на шею. Я сорвал чеку, заблокировавшую дверь изнутри, повернул ручку и вывалился наружу. Тут же – рванул под прикрытия машины, которая проехала ещё несколько ярдов и остановилась.

По нам продолжали бить, но неточно.

Мне нужно было оружие – я помнил, что у Дика было и было у меня – но у меня в багажнике было. Я потащил Дика из машины и вытащил его вместе с автоматом. Автомат был у него на одноточечном ремне, я отстегнул его и откинул приклад.

Трасса – проходила по насыпи, высота её была примерно четыре фута – деревня, откуда по нам вели огонь, была ниже. И с другой стороны – тоже была низина. Видимо, желая заснять результаты нападения, на трассу выбрались двое – один с камерой другой с автоматом. Меня они не увидели и я несколькими выстрелами свалил обоих – они так и остались лежать на бетонке.

Меня дёрнули за плечо, я повернулся... это был Майк. Он выбрался из-за руля, по его лицу текла кровь – но он был жив.

– Какого хрена ты делаешь? Ты не должен брать оружие в руки, это нарушение контракта!

– Им это скажи!

Он сунулся в машину, с руганью отшатнулся

– Проклятье. Том мёртв, его разорвало.

– Дик жив!

– Тащи его с трассы, я прикрою! Давай!

По нам снова открыли огонь – но мне удалось стащить Дика с трассы на насыпь и укрыть. Следом – вниз соскочил и Майк.

– Рэнди не ведёт огонь! – сообщил он, меняя магазин – надо забрать его пулемёт.

Рэнди был хвостовым стрелком, он был в багажнике.

– Забирай, я прикрою.

Майк перекосясь в ухмылке

– А ты не такая задница, как мы думали, американец...

Я открыл огонь – под моим прикрытием Майку удалось снова забраться в машину. Он появился обратно с пулемётом и мешком. Добежал и сбросил вниз.

– Смотри сюда!

Он открыл мешок, там были магазины к АК

– Здесь сорок штук. Рэнди мёртв, они достали его. Сможешь нас прикрыть, пока я посмотрю, что с Диком?

– Да, смогу.

Если они обойдут нас с двух сторон – нам не жить. Укрыться здесь негде, даже кустарника нет. Никакого укрытия.

- Если не справишься, кричи
- Я справлюсь...

* * *

Справляться пришлось недолго – через несколько минут, на дороге появился конвой, боевики отступили – связываться с несколькими крупнокалиберными пулемётами им было не с руки. Нас взяли на одну из машин, и мы доехали до Багдада.

Дик выжил, хотя у него была тяжёлая контузия, и едва спасли руку – сильно был повреждён плечевой сустав. До конца командировки – теперь все контрактники относились ко мне с большим уважением.

А через месяц – пришло известие, что моё имя внесли в список на награждение – медаль участнику Глобальной войны с террором. Дело было совсем плохо – и наши решили отличиться, наградить меня за спасение британского контрактника. Это хорошо выглядело на общем плохом фоне. Так я получил первую свою награду...

* * *

Тогда в Багдаде условия были столь ненормальными, что у нас не было отдельных жилых помещений, мы жили по двое – ну, начинающие конечно, для боссов отдельное помещение всегда находилось. Со мной в комнате поселили Стива Маттина, правда я большую часть времени торчал на передовой базе, а он ушёл как раз в отпуск. Так что свиделись мы не скоро.

Стив приехал откуда-то из Восточной Европы, привёз всем нелегально водку и какие-то непонятные сладости. Досталось от его щедрот и мне.

– Дунай и шлюхи... – говорил он, растянувшись на своей кровати, пьяный вдребезги – Дунай и чёртовы шлюхи.

Потом он посмотрел на меня.

- Какого хрена мы тут делаем, Алексей?
- Меня зовут Эл.
- Хрен тебе. Я знаю, ты Алексей. Меня не обманешь. Ты – русский.
- Я еврей. А ты пьян.
- Пофиг....

Потом Стив сел на кровати.

– Как думаешь, – вдруг совершенно трезвым голосом сказал он, – какого х... мы тут забыли.

– Тысячу долларов в день на брата, – сказал я, – только нам не светит.

– Во-во. И ты тут за деньгами. Думаешь, через пару лет уйдёшь из агентства и устроишься в какую-нибудь ЧВК с жалованием в полмиллиона?

- Почему бы нет?
- Хрен тебе. К тому времени кончатся деньги.
- У дяди Сэма много.

Стив слез с кровати, пошлёпал к кофейнику. Начал пить прямо из него... хорошо хоть кофе остыл.

– Вот что я тебе скажу, – сказал он в промежутках, – мы не должны здесь быть. Здесь нам нечего делать. Тут нас не любят.

- Нас нигде не любят.
- Вот в этом ты ошибаешься. Я был в Восточной Европе. Там нас все любят.

– В ночном клубе и за сто баксов
– Не передёргивай, парень, – Стив повернулся ко мне, – я серьёзно. Мы там нужны. Они любят нас. Нас считают избавителями от коммунизма и оккупации. А здесь нас готовы взрывать даже дети.

– Здесь есть нефть, – сказал я, – а в Восточной Европе что? Шлюхи?

– Так мы же вроде демократию распространяем. Или как?

– Не шути, парень. Не надо с этим шутить. Мы здесь гробим страну

Стив помолчал и зловеще добавил

– Свою страну.

* * *

На следующий день – ко мне в столовой подошёл начальник станции.

– Стив вчера не слишком много болтал? – спросил он как бы между делом?

Я пожал плечами

– Да нет, сэр. Просто перебрал немного.

– Не обращай внимания. Он пьёт слишком много.

– Я это заметил. Мы разберёмся.

Я понял, что все помещения, даже жилые – прослушиваются.

Через несколько дней началось шиитское восстание...

* * *

Шиитское восстание началось сразу в нескольких городах по призыву молодого проповедника по имени Муктада ас-Садр. Во время Саддама режим казнил его отца, аятоллу ас-Садра, вбив в голову гвоздь. Когда мы только вошли, мы пытались сотрудничать с ним, но почти сразу поняли что это невозможно. Ас-Садр ненавидел нас.

Поводом кажется послужило то, что британские солдаты в Басре вошли на территорию какого-то святого места, но в общем то повод был и не особо нужен. Просто из Ирана пришла крупная партия оружия и разошлась по рукам. Сначала иракцы использовали против нас то, что было у Саддама в закромах – но большинство ракет к РПГ, например, было просрочено и не взрывалось. Но через какое-то время Иран начал массовые поставки своим прокси, а с территории Сирии – начались поставки баасистам. Так что ракеты РПГ теперь отлично взрывались на наших *Хаммерах*. Они были приспособлены для борьбы с танками – и *Хаммерам* хватало.

Я проснулся рано... была как раз пятница. Спустился вниз – мулла как раз заканчивал читать намаз. Потом услышал выстрелы, бросился будить остальных. Как потом выяснилось – после пятничного намаза всегда бывает проповедь и во время проповеди все шиитские священнослужители обратились к своей пастве с призывами «Смерть Америке! Смерть американцам!». Разъярённые прихожане после намаза бросились убивать.

Через несколько минут британцы были уже в бронжилетах и на ногах – хотя некоторые без штанов. Никак не могу понять эту привычку британцев к голым ногам. У них даже шорты в армии есть – у нас нету например.

Кто-то закрывал ставни и задвигал засовы. Кто-то набивал магазины.

– Держи! – мне вдобавок к моему автомату вручили снайперскую винтовку. Точнее, это был *Тигр*. Саддам в своё время закупил в России тысячи полторы или две охотничьих карабинов *Тигр* – это та же снайперская винтовка Драгунова, только ствол немного короче. Ими в своё время вооружались отборные части, так называемые федаины, мы, случись нам набрести на такое – тоже не выбрасывали. Многие военные имели в патрулях что-то нештатное – дополнительный пулемёт или такой вот *Тигр* или ППШ. Огневой мощи точно не хватало.

Том и Стив протащили пулемёт
– Идём на крышу? – обратились ко мне они.
Мне тут делать было нечего, я пошёл на крышу за ними.

* * *

Точка у нас была в крепком бетонном здании, четыре этажа – раньше тут райком партии БААС был. Вокруг и вблизи не было зданий выше этого, в Ираке вообще не так свойственная высотная застройка, как южнее. Это спасало нас от прицельного огня снайперов, но не более того. Если они начнут бить по зданию из РПГ – мы долго не продержимся.

Пулемёт бы югославский, М84. Они установили его чтобы простреливать улицу – а я набивал карманы русскими патронами. У меня было всего два магазина к *Тигру* – считая тот что был в винтовке. Это плохо.

– Смотри на ту сторону, – сказал мне Том, тоже бывший морпех с озера Коммачио¹², – если пойдут, крикнешь. Стреляй, только если увидишь ракетчиков.

– Как думаешь, они появятся?

– Лучше бы ты это знал, парень. Почему то у нас нет ни хрена нормальных разведанных и так постоянно.

– Оставь его, Том.

Я подумал, что в чем-то Том прав. Никаких сообщений не было. Впрочем никогда не знаешь, что от них ждать.

Становилось все жарче.

* * *

Так мы лежали часа два и ничего особенного не происходило, только жарко было очень. И совсем прекратилось движение машин. Потом – на крышу поднялся Гарри, принёс нам попить и рюкзак с патронами.

– Ну, как тут?

– Сам посмотри – огрызнулся Том

На горизонте – то тут то там был виден дым, или рассеянный – или наоборот, чёрные столбы. Это жгли шины...

– Похоже что-то серьёзное.

– Это ты у него спроси

Я понял, что это обо мне.

– Не цепляйся к нему, Том – британцы говорили обо мне, как будто меня не было – он тут с нами, а не в штабе задницу отсиживает. Он виновен в этом не больше чем мы все.

– Да уж...

Гарри ушёл – а на улице начали появляться первые демонстранты

* * *

Что касается иракцев – они вообще не понимают разницу между мирным протестом и военным нападением.

Сначала появилось такси. Белое с оранжевым как и все такси тут. Вышли трое мужчин, без оружия. Пошли по улице.

---

¹² Спецназ британской морской пехоты.

– Внимание – сказал Том – три человека. Оружия нет пока
– У меня ничего – сказал я – помочь
– Нет. Смотри на свою сторону, эти могут отвлекать...
Я и смотрел. И думал – какого черта.
– Идут к нам. Смотрят на нас... черт
Я потом понял, что это была ошибка – не надо было вообще маячить на крыше
– Достает телефон... говорит по телефону, смотрит на нас.
– Том, мы не можем его убить. У него нет оружия.
– Да какого черта!
Пулемёт грохотнул короткой очередью, потом ещё раз.
– Готово.
– Такси нет! Не наблюдаю такси!
Я понял – худо дело. Это были разведчики и их смерть уже ничего не решала. Они передали что мы здесь.

* * *

Минут через десять – начали появляться боевики.
– Вижу РПГ – крикнул Том – у них РПГ
– Я тоже вижу стрелков! – отозвался я
– Так стреляй, какого черта, Птаха!
Меня они почему то так прозвали.
Боевиков было несколько человек, они шли мимо бетонного забора с оружием и почему-то не прятались. Мы уже приучили иракцев что открываем огонь не сразу и можно трясти оружием
По бетону защёлкали пули
Я навелся в самого здорового из них, как учили по центру фигуры – и нажал на спуск.
Винтовка грохнула – и иракец в белом в моем прицеле болезненно переломился и упал.
Это была первая смерть моей рукой, которую я видел
Иракцы повели себя странно – они бросили раненого и забежали в калитку. Нет, я слышал что у них кто умер от пули неверного, тот шахид и ему рай. Но не так же...
Потом снова открыли огонь, не знаю откуда – я спрятался, потом перебрался несколько правее. Я понимал, что с земли в нас целиться сложно – в сторону солнца получается
– Аллах Акбар! – заорали где-то через мегафон
Я подумал – вот и настоящие проблемы начались

* * *

Прошёл час. Мы все ещё держались.
Нас атаковали с нескольких сторон, но бестолково – мне кажется, иракцы вообще не понимают, что такое прицельно стрелять. Они осыпали нас пулями, в надежде на то что хоть одна попадёт. Потом бросались вперед и отступали, оставляя трупы.
Самое умное, что они сделали – подожгли шины, закрыв обзор.
Снова поднялся Гарри, у него у единственного была М16 с оптикой. Привстал на колени рядом со мной
– Давай я тебя заменю. Иди вниз.
– Отвали – коротко сказал я
– А ты не такая и задница, американец...
Потом что-то шлёпнуло, как молоток по мясу – и Гарри начал заваливаться на меня

– Гарри ранен! – заорал я

Стив бросил Тома и подбежал ко мне. Перевернул Гарри на спину, выругался

– Мать твою

– Что?

– Плохо. Убирайся отсюда, это снайпер.

Я убрался – но не совсем, а чуть в сторону

– Где он?

– Ни хрена не знаю. Я понесу его вниз. И пришлю кого-то. Справишься?

– Постараюсь.

Стив как и обещал, потащил Тома по крыше, а я услышал грохот пулемёта... потом рвануло так, что меня чуть с крыши не сбросило. Долбануло... я упал и почти оглох

Через несколько секунд повернулся. С той стороны где был Том – ничего не было видно из-за дыма.

Я пополз туда. Том лежал на бетоне, у него все лицо было разбито – близкий взрыв карбомбы, он остановил кар-бомбу своим пулемётом. И сам получил ранения и контузию.

Навыки оказания первой помощи на флоте тоже преподавали – но я помнил их плохо. Стал очищать лицо от крови, чтобы не захлебнулся.

Потом кто-то оттащил меня от Тома – это был Гарри

– Иди вниз, Птаха – сказал он – ты достаточно сделал.

Я спустился вниз. Начал набивать магазины... кто-то должен был это делать. Через полчаса – к нас пробилась бронекавалеристы и вывезли нас. По пути кавалерийский капитан удивлялся, как мы выстояли – совсем рядом с нами до последнего человека вырезали полицейский участок...

Продолжение. 30 октября 2021 года.

Вашингтон, округ Колумбия.

«Гувер-билдинг», главное здание ФБР.

– Это был ваш первый тур в Ирак?

– Да. Был и второй.

– Почему вы вернулись в Ирак во второй раз?

Я пожал плечами

– Потому что там появилась вакансия, потому что через Ирак было проще всего продвигаться по службе. А вы думаете, я с Саддамом там снюхался, или с аятоллами?

– Вернёмся к Стэну Бишопу.

Писатель листает досье. Забойщик сжимает стакан так что...

Треснул! Забойщик вскочил, ругаясь, рука окрасилась красным. Я протянул платок

– Хотите меня запугать или как?

Писатель и сам напуган – по крайней мере, ему не по себе. Я начинаю думать, что забойщик не его коллега, он из другого ведомства.

Забойщик выходит.

– Что это был за цирк? – спрашиваю я

Писатель, стараясь не выдавать замешательства, преувеличенно внимательно ищет что-то в папке. Затем решительно закрывает её.

– Давайте начистоту, мистер Миллер. Стэн Бишоп ушёл из ЦРУ. Ушёл – это может значить очень разное. В данном случае он ушёл потому, что следователи Конгресса изобличили мистера Бишоп в коррупции и злоупотреблениях. Это было не раз и не два, Бишоп только по известным следственной комиссии Конгресса эпизодам разворовал более полутора миллионов долларов. Он вербовал агентов, те несли полную чушь, которую он принимал без возражений, а деньги из бюджета за этот бред вместо развединформации – они делили пополам.

Я пожал плечами

– Если это так, почему вы не привлекли его к суду? Есть приговор, доказывающий эти факты? Если нет, то о чем мы вообще говорим?

– Приговора нет, потому что Стэн Бишоп заключил сделку со следствием. Он избежал наказания в обмен на информацию. Но это не делает его менее виновным.

Я пожал плечами

– Я то тут при чем?

– Кто был начальником станции в Багдаде в девятом и десятом годах?

– Стэн Бишоп.

– И вы работали на станции в это же время. Верно?

– Да.

– В какой должности?

– Старший кейс-офицер. Затем депюти¹³.

– И вы не видели, что Стэн Бишоп злоупотребляет служебным положением?

Я покачал головой

– Мы говорим на разных языках.

– Так просветите нас.

– Две тысячи девятый. По стране катится вал насилия, он начался в две тысячи восьмом и продолжается, у нас нет сил это остановить. Идёт религиозная война. Городские кварталы

---

¹³ Заместитель начальника.

обстреливают друг друга из миномётов только потому, что одни шииты, а другие сунниты. Одного парнишку застрелили только за то, что у него было имя Али. Другого – за то, что сорвал баян^{14**} со стены. Парикмахеров убивали, чтобы не брили бороды, таксистов чтобы не ездили в чужие районы, солдат – чтобы не служили в армии. По всему городу в жилых комплексах понастроено нор – тайников, откуда работают снайперы. И мы – посреди всего этого дерьма, пытаемся хоть что-то сделать. Затем десятый год. Мы понимаем, что что-то не то и принимаем решение валить нахрен отсюда. На нас это все сваливается как снег на голову, ведь до этого нас ориентировали на двадцать – двадцать пять лет пребывания в стране. Нам приходится консервировать агентуру, готовиться к работе в условиях отсутствия американских войск в стране, переоценивать приоритеты. Если раньше мы охотились за джихадистами – то теперь нам нужны источники в иракском правительстве, в общинах чтобы понимать, что ждёт нас и весь мир через месяц, через год, через пять лет. И все это, б..., мы делаем под обстрелами, рискуя жизнью. А теперь вы меня спрашиваете, как я мог не заметить, что Стэн Бишоп работает на свой карман?

...

– Знаете... идите нахрен.

Прошлое

Май 2008 года

Ирак, Багдад

Знаете... в этой жизни ко всему привыкаешь. К провальному браку, к дерьмовой погоде, к идиоту начальнику – ко всему. И когда ты привыкаешь – ты становишься частью дерьма. Или дерьмо становится частью тебя.

В любом из этих двух случаев – ты становишься дерьмом...

Во второй мой тур в Ирак – я летел на самолёте, который посвящённые люди иронически называли «птица счастья». Это был самолёт, который изъяли у какого-то босса, который отмывал деньги колумбийцев и передал в распоряжение ЦРУ – а ЦРУ его использовало в программе перевозки РUC. Это person under control – такой эфемизм придумал Минюст США для того чтобы не давать задержанным боевикам статус военнопленных.

Вместе со мной летели бывшие американские морские котики – теперь они работали по контракту на SAD – дивизион специальной активности ЦРУ. Они старались не задевать меня, а я старался не задевать их. Так и долетели.

На сей раз – нас встречал бронированный автобус Хундаи. Судя по всему мы смирились с тем, что все это надолго и начали обустриваться капитально. Дорога от БИАП в город несильно изменилась – разве что горелой техники больше стало.

Ирак остался тем же самым – и в то же время стал другим. Все проекты строительства американских предприятий – Дженерал Моторс хотела построить тут автомобильный завод а Макдональдс – сеть быстрого питания – так и остались прожектами. Война с населением и населения между собой вспыхнула с особым ожесточением. Зелёная зона отгородилась от остального города забором высотой более двадцати футов. Большая часть перемещений в городе – производилась вертолётами, так как по земле было слишком опасно.

Почему иракцы сопротивлялись нам, ведь мы хотели сделать им добро? Знаете, тот кто найдёт ответ на этот вопрос, может подавать заявление на должность Госсекретаря... я серьёзно. Я всегда, когда мне задают такой вопрос, вспоминаю одну русскую пословицу – волк, съевший твоего врага отнюдь не становится тебе другом. Мы почему то считаем, что если народ страдает от какого-то диктатора, а мы помогаем его свергнуть или сами свергаем – то

---

¹⁴ Шиитское разъяснение по вопросам веры, излагаемое нарочито простым языком и распространяемое в виде листовок.

мы вправе считать что этот народ нам друг. Точнее не так – мы вправе рассчитывать что этот народ назовёт нас своим другом. Но мы просто не представляем, каков потенциал антиамериканизма во всем мире, и особенно – на Ближнем Востоке. Это есть в Европе – почему же мы удивляемся тому как нас ненавидят в Багдаде?

Новое посольство было не узнать – в несколько раз больше предыдущего со своим жилым комплексом. Стены были покрыты специальными матами – в них застревали осколки при обстреле. На территории были выкопаны щели, куда надо было прятаться при миномётном обстреле.

Стэн Бишоп – уже почти год был начальником станции в Багдаде. Меня он встретил радушно, налил виски. Выпили, потом он предложил пройтись.

– Чтобы ты понимал – сказал он – шансов здесь нет никаких. Для демократии я имею в виду. Они просто режут друг друга, мы даже трупы не успеваем собирать. Эти придурки из Пентагона придумали стратегию расширения контроля – но это обернётся лишь большим количеством трупов¹⁵. Хорошо только, что они теперь скорее друг друга убивают, чем нас.

– Полиция так и не заработала?

– Ты что, шутишь? Полицейские участвуют в убийствах

Круто. Когда я был здесь первый раз – полицейские просто ничего не делали. Теперь они, похоже, втянулись в междоусобную войну

– А мы тогда на что нацелены?

– Хороший вопрос

Бишоп помолчал, будто решая, можно ли мне доверять. Стратегический бомбардировщик Б52 с базы в Гуам – резал бесконечное, распаханное настезь небо над нами пополам белой строчкой выхлопа...

– Знаешь, у меня есть план. Свой план.

...

– Дать этим парням работу.

Я пожал плечами

– Какую работу они могут выполнять?

– Охранную, какую же ещё. Знаешь, был парень по имени Дейл Карнеги, он написал несколько книг. В одной из них он написал, как он избавился от шайки мальчишек, повадившихся воровать яблоки у него в саду. Просто нанял самого крутого из них охранять сад...

– Почему бы им не контролировать месторождения самим?

– Потому что они не смогут продавать нефть сами. И они это знают. Каждый должен заниматься своим делом.

Я кивнул

– Неплохо.

– Вот именно. Я нашёл одного человека... приличный по местным меркам. Высшее образование имеет. Не фанатик. Если хочешь – я передам его тебе.

Я кивнул

– Хочу. Где он?

– Кэмп Букка. Парня зовут Ибрагим аль-Бадри ас-Самарраи¹⁶.

---

¹⁵ Стратегия Петреуса – предусматривала размещение войск не на больших базах, а на небольших блокпостах внутри районов с минимальным временем реагирования. После её реализации – насилие пошло вниз, но это было связано не столько с усилиями американцев, сколько с тем что шииты и сунниты были обескровлены в ходе двух лет жесточайшей междоусобной войны.

¹⁶ Впоследствии Абу Бакр аль-Багдади. Создатель Исламского государства (Организация запрещена на территории РФ).

Прошлое. Июнь 2009 года

Ирак, близ ирако-кувейтской границы

Кэмп-Букка был интересным местом. Если кто говорит о том что мы в Ираке проявляли жестокость – тому надо было увидеть это.

Это был временный лагерь, переделанный в лагерь для временно контролируемых лиц, не представляющих опасности. Пустыня, обнесённая забором, через который при желании можно перелезть – но никто этого не делал. Контроля практически не было. Внутри – поставили палатки и быстровозводимые домики, в них задержанные и жили. Им оборудовали площадки для игры в футбол и баскетбол, некоторые занимались этим – а некоторые просто слонялись целый день без дела или лежали на своих лежаках. Дважды в день они подходили к воротам, чтобы получить свою порцию еды и воды. В то что происходило внутри – американцы не вмешивались.

Я переговорил с полковником Кингом, контролирующим периметр, и понял, что он не знает и не хочет знать, что происходит внутри. Все что его интересует – чтобы заключённые не разбежались. А им и незачем было – здесь кормили на шару и охраняли. Учитывая то, что происходило в городах – а там вырезали людей целыми автобусами – почти рай на земле.

Я попросил мне вызвать аль-Бадри и мне его вызвали. С виду он показался мне вполне нормальным – роста чуть выше среднего, постарше чем большинство из здесь находящихся. Очки, недорогие. Короткая окладиста борода. Я передал ему привет от Бишопа и сумка – там были сладости и курево. Это от меня.

– Мистер Бишоп сказал, что вы готовы поработать на охране нефтяных месторождений, это верно? – спросил я, устроившись на древнем и расшатанном стуле. По крайней мере тут прохладно, и то хорошо.

– Мистер Бишоп это сказал? Да, верно.

– Но как мы сможем быть уверены, что вы не предадите нас? Такие случаи уже бывали.

– О, это исключено.

– Почему же?

– Все бойцы принесут присягу мне. Они не смогут её нарушить.

– Но разве вы амир?

Аль-Бадри посмотрел на меня, и понял, что не все так просто.

– Они не предадут меня – уверенно сказал он

Прошлое. Июнь 2009 года

Ирак, Багдад

Вернувшись в Багдад, я посмотрел досье этого парня. Оно не впечатляло – из бедной семьи, почти ничего не имеет. Задержан даже не за теракт, а за пропаганду. Предположительно имеет какую-то степень в фикхе¹⁷. Но какую – мы не знали.

Стэн был настроен оптимистично. Мы гуляли на территории «парка» – так называлось место на территории нового посольства с чахлыми деревьями – а вместо земли тут всё было засыпано цветной щебёнкой.

– Мы должны на кого-то опираться – сказал Стэн – хотя бы на тех, кто виновен меньше других.

Я промолчал.

– Как тебе показался этот парень?

– Работать можно, – я пожал плечами, – но по одной встрече сказать можно мало. Его уже проверяли на детекторе?

– Нет, – скривился Стэн, – да и бесполезно. Они врут, как дышат. Принцип такой, когда ты постоянно лжёшь, детектор этого не видит.

– Что здесь произошло, пока меня не было?

– Ничего хорошего. Сначала мы легли в постель с шиитами, потом с суннитами, потом опять с шиитами. Потом они начали резать друг друга

– А мы что делаем?

– Поддерживаем присутствие. Это официально.

– А неофициально?

Стэн выругался матом.

* * *

Начало девятого года ознаменовалось взрывом насилия в Афганистане – хотя казалось, там дело уже выправляется. Придурки из Госдепа тоже так решили и решили спихнуть президента соседнего Пакистана Мушаррафа, который пришёл к власти в Пакистане несколько недемократичным путём – в результате военного переворота. Они только забыли о том, что демократия означает правление на основе общественного консенсуса, а общественный консенсус в Пакистане, как и в других подобных странах, – включает в себя убийство американцев. Сменщики Мушаррафа прекратили сотрудничество с нами в борьбе с Талибаном – и уже через полгода ситуация в Афганистане начала обостряться.

В Ираке насилие понемногу шло на спад – но это было вызвано скорее тем, что на выборах победил Барак Обама. Местные поняли, что мы уйдём и смысла нападать на нас – уже нет.

Мы же – уже готовили план работы после вывода войск.

Тут мне не на руку сыграла моя репутация – Бишоп иногда брал меня с собой и мы ездили к его агентам только вдвоём. Я его прикрывал, хотя это была не боя работа.

Навсегда запомнил того члена Верховного суда. Мы привезли ему жалование – наличные, полмешка. Он там сам должен был кому-то раздать. Дело было у него дома – и пока я стоял с автоматом, верховный судья и Стен, сидя на ковре рядом с грудой банковских упаковок – делили деньги. Три пачки судье, пачку Стену. Четверть мы забрали с собой – откат от судьи.

---

¹⁷ Исламское право.

Когда возвращались обратно, Стен дал мне две пачки и сказал помалкивать...

* * *

Когда на фугасе подорвалась машина с Бобом Гринсбергом – меня сделали депьюти. То есть, заместителем начальника станции.

Это была больше бумажная работа – но мне было не до неё. Мы забрали Ас-Самарраи из лагеря и перевезли в другое место, близ Багдада. Начали готовить нефтяную полицию, для чего заинтересованные нефтяники наняли тренеров из бывших бойцов спецназа – а я вылетел в Прагу, договариваться о нелегальных поставках оружия. После того, как мы официально закупили пятьдесят тысяч пистолетов Глок для иракской полиции а потом они начали всплывать по всему Востоку, вплоть до лагерей палестинских беженцев в Ливане, и всё это попало в газеты – больше мы ничего официально не закупали. На иракских полицейских надежды как не было, так и нет – люди звали их «моникаями». Это потому что мы дали им западную форму, в ней были непривычные для Востока штаны с ширинкой на молнии. Вот местные остряки и вспомнили про Монику Левински и Билла Клинтона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.